

Глава IV ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА

Ник Фоушин
Бруно Коппитерс

1. ПРОБЛЕМЫ

Принцип *вероятности успеха* имеет сравнительно короткую историю. Одним из первых, кто в начале XVII в. прямо определил его как принцип теории справедливой войны, был Гуго Гроций¹. С тех пор большинство авторов называют его среди шести принципов, оправдывающих само решение о начале войны (принципы *jus ad bellum*). Однако существует также точка зрения, что этот принцип не является базовым, поскольку его следует рассматривать в рамках принципа соразмерности². Дискуссия по этому вопросу излагается в следующей главе.

Этот принцип имеет не одно название. Одни называют его «принцип надежды на успех», другие — «принцип обоснованной надежды на успех»³. Однако ни одна из этих формулировок не говорит, каким соотношением должна быть выражена предполагаемая степень вероятности успеха: 1:2, 2:3, 3:4 или каким-то еще. Похоже, разные теоретики справедливой войны выбирают разные критерии вероятности, и когда один говорит, что вероятность успеха в предстоящей войне недостаточно высока, другой утверждает прямо противоположное.

Но более серьезная проблема связана не с такими понятиями, как «вероятность» или даже «обоснованность», а с понятием «успех». Это может вызвать недоумение. Для многих, возможно, особенно для тех, кто чувствует свою силу, успех в войне означает

¹ Гроций Г. О праве войны и мира Кн. II, гл. XXIV, § IV—VIII. Указ. соч. С. 550—553.

² Coates A.J. The Ethics of War. Manchester; N.Y.: Manchester University Press, 1997.

³ Childress J.F. Just-War Theories: The Bases, Interrelations, Priorities and Functions of Their Criteria // War, Morality and the Military Profession. 2nd ed. / Ed. by M. Wakin. Boulder CO, Westview Press, 1986. P. 264.

победу, недостаточный успех — нечто меньшее. Но в некоторых войнах успех может означать просто остановку вражеского вторжения недалеко от границы, где оно началось, или даже остановку противника в ситуации, близкой к собственной катастрофе. Кто-то может считать успехом то, что армия и нация завоевали уважение, оказав противнику достойное сопротивление, хотя сопротивление привело к потере собственной армии. Другая проблема, связанная с понятием успеха, заключается том, что у стран, ведущих войну, имеется тенденция переформулировать его в ходе войны. Когда война начинается, лидеры смело говорят об успехе как о полной победе. Когда война в разгаре, те же самые лидеры часто утверждают, что их вооруженные силы и нация достигли успеха, имея в виду только отражение агрессии или достижение чего-то далекого от полной победы.

2. ЛЮКСЕМБУРГ, 1940 г.

Ощущение трудностей, связанных с применением принципа успеха, может возникать даже при описании сравнительно простой и незамысловатой ситуации из истории Второй мировой войны. Во время этой войны Люксембург оказался на пути вермахта. Географически Люксембург — государство с территорией примерно 1000 кв. миль (немногим более 2500 кв. км). Его население тогда составляло 300 тыс. человек¹. Армия Люксембурга была, собственно, не армией, а пограничной охраной численностью примерно 300 человек². Когда нацистская Германия решила напасть на Францию в 1940 г., для нее не было смысла в военном отношении пытаться преодолевать мощную линию Мажино, простиравшуюся от Швейцарии на север к границам Бельгии и Люксембурга. Как и в Первой мировой войне, целесообразнее было обойти основные французские линии обороны. Но это требовало прохода через Люксембург, а также Бельгию и Нидерланды. Когда для народа Люксембурга стало очевидно, что немцы готовы пройти через их страну, чтобы напасть на Францию, возник вопрос: как страна должна отвечать на агрессию Германии?

¹ The New Encyclopaedia Britannica: Macropaedia. Chicago: Encyclopaedia Britannica Inc., 1998. P. 314—318.

² Collier's Encyclopedia. N.Y.: Collier's, 1996. P. 121.

Один ответ, совместимый с принципом вероятности успеха, — сказать немцам «Будьте нашими гостями» и разрешить им, а возможно, даже помочь быстро и беспрепятственно продвигаться на запад по направлению к Франции. Другой ответ, также совместимый с данным принципом, — рассматривать немцев как незваных гостей. При этом ответе немецкой армии не оказывают ни сопротивления, ни поддержки. Ясно, что именно это и стало политикой люксембургского правительства, которое фактически бежало в Англию, когда немцы вошли в страну. Но в любом случае, рассматривались ли немцы как званые или незваные гости, принцип вероятности успеха делает очевидным, что правительство Люксембурга и его народ не должны были сопротивляться немцам. В самом деле, на какой успех могли возлагаться надежды в случае сопротивления? Была ли хоть какая-то вероятность того, что 300 легко вооруженных пограничников нанесут поражение немецкой армии? Вряд ли! Была ли хоть какая-то вероятность того, что эти пограничники, даже если они не оказались бы в состоянии победить немцев, смогли бы задержать их на достаточный срок, чтобы помочь бельгийцам и французам оказать сопротивление немецкому вторжению? Иначе говоря, была ли вероятность достижения ими успеха посредством оказания некоторой существенной помощи в ситуации, когда они не смогли помочь сами себе? Вряд ли!

Но, может быть, существует какой-то другой смысл понятия «успех», который применим здесь? Один из уже упомянутых вариантов связан с честью и самоуважением. Если бы граждане Люксембурга выбрали борьбу, усилилось бы их чувство собственного достоинства и самоуважения? Обратите внимание на то, что означает «успех» в этом смысле и как он отличается от описанных выше более очевидных смыслов. Эти другие смыслы тесно связаны с результатами военных действий. Считается, что нация достигает успеха, если она занимает территорию, отражает нападение противника, наносит урон его войскам и т.п. Так, Люксембург имел бы успех, если бы отразил неоправданное нападение Германии или хотя бы как-то существенно притупил его остроту: замедлил бы наступление немцев или заставил бы их заплатить высокую цену за свою агрессию. В противоположность этому обретение чести или самоуважения только косвенно связано с результатами военных действий. Этот более субъективный смысл понятия «успех»

во Второй мировой войне мог бы выразиться в следующем. Если бы Люксембург принял участие в безнадежной и очень короткой войне против вермахта, эти героические деяния могли бы вдохновить граждан Люксембурга как внутри страны, так и за ее пределами внести в будущем свой вклад в общие военные усилия, чего в противном случае они могли бы не сделать.

Этот аргумент в пользу войны с целью защиты чести представляется по меньшей мере надуманным. Вовсе не очевидно, что люксембуржцы боролись бы активнее только из-за того, что 300 пограничников пожертвовали собой, снискав тем самым почет и уважение. Если бы эмигранты увидели, что их страна подверглась неспровоцированной агрессии, они, скорее всего, приняли бы активное участие в борьбе за восстановление суверенитета своей страны с помощью союзников вне зависимости от того, принесли бы себя в жертву 300 пограничников или нет. Кроме того, вовсе не очевидно, что в случае, когда страна уступает перед лицом абсолютно превосходящих сил противника, она сразу же теряет свою честь и самоуважение.

В других условиях вывод о том, что безнадежно уступающей в силе стране не следует сопротивляться, мог быть не столь ясен. Рассмотрим гипотетическую ситуацию, когда агрессор обещает уничтожить все и всех на своем пути независимо от наличия или отсутствия сопротивления. Обреченному народу тогда остается выбирать: умереть в борьбе или без нее. Здесь можно было бы утверждать, что следует оказать сопротивление, поскольку существует определенный смысл успеха, заключающийся в сохранении чести (чем будут гордиться будущие поколения) и поскольку нечего или почти нечего терять. Однако ясно, что Люксембург во Второй мировой войне не был в такой ситуации. Немцы не собирались истреблять народ Люксембурга. Поэтому немногочисленные войска Люксембурга сделали правильно, последовав принципу вероятности успеха. Фактически этот принцип рекомендовал не оказывать сопротивления *во время* вторжения. Но впоследствии, когда союзные войска накопили силы, в соответствии с критерием вероятности успеха от граждан Люксембурга потребовалось сопротивление агрессору.

3. БЕЛЬГИЯ, 1940 г.

Полезно сравнить применение принципа успеха к ситуации с Люксембургом и применение этого принципа к ситуации, сложившейся у его западного соседа. Во время Второй мировой войны население Бельгии составляло примерно 8 млн человек и ее армия состояла из 22 дивизий¹, военно-воздушный флот не был внушительным, но и игнорировать его было нельзя. Вдобавок, хотя Бельгия формально не состояла в союзе с Великобританией и Францией, она была уверена, что в случае нападения получит помощь. С этой помощью союзные силы превосходили немецкие. Так, у них было больше живой силы и танков и примерно столько же самолетов. Правда, взаимодействие между Бельгией и Нидерландами, с одной стороны, и Британией и Францией — с другой, не было идеальным: Бельгия не хотела быть тесно связана с ними из боязни спровоцировать нападение немцев. Все же силы, нацеленные против Германии, были в количественном и качественном отношении на достаточно высоком уровне, чтобы бельгийцы сделали вывод о необходимости в случае начала войны последовать рекомендации принципа вероятности успеха и оказать сопротивление немцам.

Однако, как оказалось, успеха они не добились. В то время немцы лучше, чем союзники, понимали, как использовать современную военную технику — танки и самолеты. В результате они быстро преодолели сопротивление не только бельгийской армии, но также французской и британской. Успех пришел к Бельгии позже и преимущественно благодаря усилиям ее союзников. Но в самый канун войны и сразу после ее начала бельгийцы могли выбирать: сопротивляться или нет. Суть дела в том, что если бы выбор совершался в соответствии с принципом вероятности успеха, последний подвигнул бы Бельгию на сопротивление.

4. ТАИЛАНД, 1940 И 1941 г.

Еще один пример применения данного принципа во Второй мировой войне дает нам Азия. Когда война уже готова была распро-

¹ The Oxford Companion to World War II / Ed. by I.C.B.Dear and M.R.D.Foot. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 118.

страниться и на Азию, Таиланд оказался в ситуации, промежуточной между описанными выше ситуациями Люксембурга и Бельгии. В отличие от Люксембурга Таиланд имел армию, но она не была такой сильной, как бельгийская. Его армия насчитывала не более 50 тыс. человек¹. Таиланд располагал 150 самолетами, но не все они были высокого технического уровня. Тайский военно-морской флот был слабым и состоял из одного устаревшего эсминца и множества мелких суденышек. В политическом плане ситуация не могла восприниматься Таиландом как благоприятная. Тайское правительство боялось Великобритании и Франции, так как подозревало, что та или другая жаждет присоединить Таиланд к своей империи. Великобритания колонизировала Бирму на западе, а Франция — Лаос и Камбоджу на востоке. Страх, который испытывали тайцы, был не безосновательным.

Тем не менее этот страх несколько ослаб, когда Таиланд, с одной стороны, и Великобритания и Франция — с другой, подписали пакт о ненападении в 1940 г.² Пакт гарантировал тайский нейтралитет в случае, если в этой части мира разразится война.

Однако к следующему году ситуация изменилась. В середине 1940 г. Франция была разбита на западном фронте, и теперь Таиланд имел дело с ослабленным вишистским правительством Франции. Тайцы воспользовались сложившейся ситуацией и атаковали французов. Они хотели получить некоторые спорные территории в Лаосе и Камбодже. К концу этой маленькой войны тайцы заняли большую часть спорной территории, потеряв при этом немалую долю своего ветхого флота.

Фактическое посредничество Японии позволило закончить эту войну³. Заключенное соглашение формально признавало за Таиландом право владения завоеванными спорными территориями. Действуя в качестве посредника, японцы кое-что заработали и для себя. Они вырвали у вишистского правительства согласие использовать его колониальные территории в Индокитае как плацдарм для любых атак, которые Япония захотела бы предпринять в направлении Малайи, Сингапура и нидерландских колоний на юге. Япония также предложила, чтобы Таиланд позволил ей использовать некоторые его территории в качестве своего плацдарма и

¹ The Oxford Companion to World War II. P. 1106.

² Ibid. P. 1107.

³ Ibid.

получил бы в награду за это еще больше подконтрольных Франции территорий в Камбодже и Лаосе. Понятно, что тайцы соблазнились этим предложением, но одновременно испугались той опасности, которая теперь угрожала им от другой колониальной державы — на этот раз азиатской.

События достигли пика 8 декабря 1941 г. Война Японии против Соединенных Штатов и Великобритании началась днем раньше. Уже на следующий день японцы начали свое продвижение на юг, рассчитывая использовать любые плацдармы, какие они могли найти для успешного продвижения к Сингапуру и далее. Перед тайцами встал вопрос, как им следует реагировать на японскую агрессию. С одной стороны, если бы они стали сотрудничать с Японией и предоставили необходимые ей плацдармы, они получили бы дополнительные французские колониальные территории. Они также могли еще больше расположить к себе японцев, если бы не стали тормозить их продвижение¹. С другой стороны, в случае сопротивления у них не было перспектив. Их армия была достаточно сильной, чтобы побить ослабленные французские силы, но для японцев она не была достойным противником. Вероятность их успеха равнялась нулю или почти нулю. Поэтому если бы тайцы применили принцип вероятности успеха, они предоставили бы японцам свободный проход. Именно это они и сделали. Очевидно, какое-то сопротивление со стороны некоторых сил имело место, но оно продолжалось не более одного дня. Затем тайцы решили предоставить японцам возможность прохода повсеместно. Хотя очень вероятно, что тайцы приняли решение не противодействовать японцам в *согласии* с принципом вероятности успеха (т.е. их решение совпадало с этим принципом), очень сомнительно, чтобы они при этом рассуждали в терминах теории справедливой войны. Об этом говорит следующий отрывок, касающийся тайско-японских отношений гораздо позже 7 декабря 1941 г. Он взят из книги Сар Десаи «Юго-Восточная Азия».

Несмотря на договор о дружбе и сотрудничестве с Японией, который предоставлял Таиланду большую внутреннюю автономию, чем та, которой пользовались другие страны Юго-Восточной Азии, два азиатских союзника недолюбливали друг друга. Основной заботой тайского руководства было сохранение независимос-

¹ *Sar Dasai D.R.* Southeast Asia: Past and Present. 4th ed. Boulder CO: Westview Press, 1997. P. 186.

ти. Пхибун Сонгхрам (премьер-министр) сказал своему начальнику штаба в 1942 г.: «Какая из сторон, Вы полагаете, потерпит поражение в этой войне? Она и будет нашим врагом»¹.

Судя по этому высказыванию, Сонгхрам говорит больше как реалист, нежели теоретик справедливой войны. Движущей силой здесь выступает собственный интерес, а не справедливость. Но реалистский подход не исключает благоразумных ограничений на применение силы. Не противодействовать Японии, конечно же, было в национальных интересах Таиланда.

5. КУБА, 1950-е гг.

Применение принципа вероятности успеха в гражданских и партизанских войнах еще сложнее, чем в обычных войнах. Хороший пример в этом отношении представляет Куба в 1950-е гг. Между 1952 и 1958 г. на Кубе правил насквозь коррумпированный режим генерала Фульхенсио Батисты. Естественно, что очень быстро возникла оппозиция этому режиму. Наиболее сильную оппозиционную группу возглавлял молодой и харизматический Фидель Кастро. Тем не менее успех усилий Кастро свергнуть режим Батисты казался маловероятным. Его попытка 26 июля 1953 г. захватить казармы Монкада в провинции Ориенте и тем самым положить начало революции потерпела неудачу². Сам Кастро в результате оказался в тюрьме. Были и другие неудачи и провалы, не последней из которых был морской десант в 1956 г., когда Кастро со своими людьми вернулся на Кубу с еще одной попыткой свергнуть Батисту³.

В организационно-техническом отношении вторжение обернулось настоящей катастрофой. Пустившись в плавание 25 ноября на яхте, перегруженной более чем вдвое, экспедиция из 82 человек попала в шторм; яхта получила механические повреждения, вынуждена была выбросить груз за борт, потеряла ориентацию и пристала к берегу не в том месте и не в тот день. За два дня до того как 2 декабря в илистом устье реки села на мель яхта

¹ *Dasai Sar D.R.* Southeast Asia: Past and Present. Ibid.

² *Balfour S.* Castro. L.; N.Y.: Longman, 1990. P. 38—40. См. также: *Liss S.B.* Fidel! Boulder; San Francisco; Oxford: Westview Press, 1994. P. 16.

³ *Balfour S.* Op. cit. P. 47—48.

«Гранма», вооруженный отряд Франка Паиса (одного из лидеров Движения 26 июля) попытался поднять восстание в Сантьяго, но после примерно 30 часов sporadicческой ружейной стрельбы в полицейских и военных они были вынуждены отказаться от своей затеи. Через 48 часов, с трудом пробравшись через мангровое болото, оборванные и измученные повстанцы вышли, наконец, на твердую землю. Первому встретившемуся крестьянину Кастро торжественно заявил: «Я — Фидель Кастро, и мы пришли освободить Кубу». Через 4 дня другой крестьянин сообщил о них сельской гвардии, прочесывавшей местность в поисках членов кастровской экспедиции. В результате устроенной засады эта экспедиция была почти вся разбита. Из 82 человек, начавших экспедицию, только 16 (хотя легенда говорит о 12) остались живыми и свободными, чтобы начать войну против современной армии режима Батисты¹.

До какого-то момента в 1958 г. никто не мог утверждать, что кастровские силы имеют основательные шансы на успех. К этому времени они обосновались в горах Сьерра-Маэстра на востоке Кубы, завоевали поддержку местных крестьян, а также выиграли несколько небольших сражений с батистовскими силами. Но до этого, между 1953 и даже 1957 г. перспективы кастровской революции были мрачными. Действительно, если бы кто-то применил принцип вероятности успеха в тот период, Кастро посоветовали бы сложить свою палатку и отказаться от революционных методов. Вероятность его успеха казалась такой незначительной, что с точки зрения теории справедливой войны предпринятую революцию никак нельзя было признать оправданной. Как оказалось, успех Кастро был настолько маловероятным, что даже он сам был удивлен, когда режим Батисты неожиданно рухнул, говорят, под тяжестью собственной коррупции. Данный сценарий ставит перед теорией справедливой войны следующую проблему. В начале многих революций (например, американской революции) их успех кажется маловероятным или относящимся к далекому будущему. Если это так, то похоже, что теории справедливой войны свойственно предрасположение в пользу существующих правительств и против революционных движений. Даже если бы эти движения отвечали другим критериям справедливой войны, они, кажется, не

¹ Ibid. P. 48.

смогли бы соответствовать принципу вероятности успеха. В этом случае они никогда бы не смогли начать справедливую войну, так как, напомним, для начала войны страной или группой необходимо, чтобы она отвечала всем критериям начала справедливой войны.

Это наводит на мысль, что в описанных случаях данный принцип не должен соблюдаться. Таким образом, если революционные группы, подобные кастровским, соответствуют всем другим принципам *jus ad bellum*, за исключением принципа вероятности успеха, следует считать, что они ведут справедливую войну. Это означает, что теория справедливой войны не должна представляться как фиксированный набор критериев, применимых ко всем ситуациям. Напротив, ее следует рассматривать как более гибкий нормативный инструмент: в определенных ситуациях какой-то критерий мог быть исключен из перечня, другой — модифицирован, а третий, наоборот, добавлен в перечень критериев. О гибкости теории справедливой войны мы еще будем говорить в последующих главах.

6. «МИНИ» И «МАКСИ»

Существуют, однако, и другие сценарии, которые необходимо рассмотреть для более полного понимания принципа вероятности успеха. Например, это сценарии, где нация готова сказать «нет» войне, но имеет другую альтернативу помимо полной капитуляции. Рассмотрим такую ситуацию. Государство, назовем его «Мини», осознает, что существует высокая вероятность скорого вторжения со стороны «Макси» и что нет шансов остановить это вторжение. Поэтому «Мини» уже согласилось с принципом вероятности успеха. Но его лидеры разработали план ненасильственной гражданской обороны¹. Согласно этому плану, «Мини» не будет использовать силу в любом ее виде для сопротивления вторжению. Однако, и это предпочтительней, государство организует и научит свое гражданское население сопротивляться вторжению, где бы оно ни происходило, посредством отказа от сотрудничества. Обучение организовано так, что до вторжения население просят потратить немалое время на то, чтобы понять суть

¹ О ненасильственной гражданской обороне см. подробнее во Введении.

ненасильственного сопротивления и как его следует применять. Поэтому, когда однажды «Макси» мирно оккупирует «Мини», граждане «Мини» предпримут такие действия, как некачественный ремонт дорог, плохое продовольственное и телефонное обслуживание, перестановка уличных знаков, блокирование уличного движения, распространение дезинформации и попытки убедить солдат «Макси» в том, что оккупация является ошибкой. В общем они используют все возможные ненасильственные методы для того, чтобы сделать жизнь оккупантов неприятной, а то и невыносимой.

Как оценить вероятность успеха *этой* программы сопротивления? Правильный ответ: «непросто». Если «Макси» — демократическое государство с вооруженными силами, склонными действовать в согласии с принципами международного гуманитарного права, а его правительство прислушивается к международному общественному мнению, оно не может отвечать на политику несотрудничества, помимо прочего, сокращением продовольственного снабжения населения «Мини». Оно не смогло бы прибегнуть и к насилию, отправив на казнь тех граждан «Мини», которые отказались от сотрудничества. Поэтому со временем, через год или два, политические лидеры «Макси» могут, подсчитав затраты на эту несчастную оккупацию, сделать вывод, что необходимо вступить в переговоры с теми, кто организует сопротивление «Мини», и, возможно, уйти из этой страны. Но «Макси» может и отвергнуть такой путь, особенно если оно имеет достаточные политические и военные причины для того, чтобы остаться. Оно может также не испытывать неудобства, поскольку, например, военные вскоре могут отказаться от услуг местной телефонной связи, а использовать собственную сеть для обеспечения сотовой телефонной связи. В лучшем случае население «Мини» одержит победу над оккупантами «Макси» посредством того, что можно назвать долгой войной на истощение оккупантов — войной без оружия.

Однако какова бы ни была степень вероятности успеха у народа «Мини», имеющего дело с *либеральным* «Макси», его шансы на успех, по всей видимости, будут существенно меньшими, если он столкнется с *авторитарным* «Макси». «Макси» этого типа, скорее всего, не будет столь терпимо к ненасильственной гражданской обороне, с действиями которой ему приходится иметь дело

ежедневно. Вероятно, чтобы склонить население «Мини» к сотрудничеству, было бы сокращено продовольственное и медицинское обеспечение. Отказывающиеся от сотрудничества подвергались бы аресту, а их лидеры — репрессиям. «Макси» могло бы организовать трудовые лагеря. Несомненно, эта невооруженная война на истощение существенно повлияла бы на обе стороны. Военные силы «Макси» находились бы в тяжелых условиях, но и население «Мини» тоже страдало бы, например из-за роста заболеваний среди детей и стариков. И еще неизвестно, какая из сторон сломалась бы первой, и, следовательно, остался бы открытым вопрос о применении принципа вероятности успеха к ненасильственной гражданской обороне.

7. ЧЕХОСЛОВАКИЯ, 1968 г.

Применение принципа вероятности успеха в контексте оккупации Чехословакии в 1968 г. на конкретном примере показывает, что отказ от использования силы в самообороне не обязательно обрекает население на неизбежную катастрофу. Действительно, значительная часть населения Чехословакии продемонстрировала, что гражданское сопротивление может быть достаточно умелым и эффективным¹.

За несколько месяцев до оккупации партийное руководство Чехословакии приступило к решительной программе десталинизации и демократизации. Руководство стремилось децентрализовать процесс принятия решений, а также содействовать осуществлению правовой реформы.

Эти перемены вызвали большие опасения в Москве. Со временем эти опасения превратились в открытую враждебность. Ослабление цензуры и возникновение новых политических групп со своими собственными программами не соответствовали советскому взгляду на социализм. Московское руководство боялось, что призыв к реформе социализма оказался бы заразительным примером

¹ *Hosking G.* The First Socialist Society: A History of the Soviet Union from Within. Cambridge MA: Harvard University Press, 1990. P. 368—374; *Windsor and Ph., Roberts A.* Czechoslovakia 1968: Reform, Repression & Resistance, N.Y.: Columbia University Press, 1969; *Sharp G.* The Dynamics of Nonviolent Action. Boston: Porter Sargent. P. 98—101.

для других стран социалистического блока, и это в свою очередь усилило бы «контрреволюционные силы».

21 августа 1968 г. советские войска, поддержанные военными контингентами из других стран Варшавского договора, вторглись в Чехословакию, чтобы положить конец реформистскому движению и восстановить просоветский режим. Ведущая советская газета «Правда» писала, что каждая нация может избрать «свой собственный особый путь к социализму», но при условии, что это «не нанесет ущерба ни социализму в их собственной стране, ни фундаментальным интересам других социалистических стран, ни мировому рабочему движению, которое ведет борьбу за социализм»¹. В соответствии с этой декларацией (которая вскоре получила название «доктрина Брежнева») другие социалистические страны имели право и обязанность вмешиваться, если это условие не выполнялось.

Оказавшись перед лицом вторжения, чехословацкое правительство призвало армию не оказывать сопротивления продвижению оккупационных войск. Вооруженное сопротивление не имело смысла. Чехословацкое руководство считало, что необходимо избегать всякой силовой конфронтации между гражданскими лицами и оккупационными войсками. Но многочисленные служащие, коммунисты-реформаторы, журналисты, студенты и рабочие развернули ненасильственное сопротивление оккупации. Они распространяли газеты и бюллетени новостей, информирующие население о реальной ситуации в стране. Благодаря подпольному радио люди получали инструкции о том, что делать, как общаться с оккупационными войсками и как сопротивляться им, не провоцируя репрессий. Чтобы помешать продвижению войск, уничтожались или подменялись дорожные знаки. Кроме того, участники ненасильственного сопротивления пытались убедить солдат в том, что оккупация несправедлива. Чтобы вступить с ними в контакт, они приносили им еду, чай и кофе. Установить диалог было нетрудно. Молодые чехи и словаки в то время изучали русский язык в школе.

Москва оправдывала военную акцию, называя ее «братской помощью» народу Чехословакии, который, как утверждалось, стал жертвой «ревизионизма некоторых руководителей чехосло-

¹ *Hosking G.* Op.cit. P. 372.

вацкой компартии и мирового империализма». Участникам ненасильственного сопротивления было нетрудно объяснить советским солдатам и офицерам, что это не так. Объяснения были настолько успешными, что советское командование вынуждено произвело замену некоторых частей оккупационных войск. Историк Джеффри Хоскинг говорит, что особенно сильным было сопротивление среди рабочих. На одной из фабрик в предместье Праги был даже созван подпольный съезд коммунистической партии, на котором коммунисты-реформаторы осудили вторжение.

Это ненасильственное сопротивление не привело к победе. Вместо этого советское правительство пришло к соглашению с чехословацким реформистским руководством. Первому секретарю Александру Дубчеку разрешили вернуться к власти, но ему пришлось согласиться с тем, что политическая жизнь в Чехословакии должна быть «нормализована», т.е. следовало восстановить прежний коммунистический режим. «Нормализация» происходила постепенно. В апреле 1969 г. Дубчек был заменен консервативным Густавом Гусаком. В коммунистической партии прошла проверка на политическую благонадежность и чистка. Каждый третий из полутора миллионов членов партии вышел из нее или был исключен. Аналогичные чистки имели место в средствах массовой информации, научных организациях и учебных заведениях.

В результате этих репрессий новый режим стабилизировался. Но это не означает, что движение ненасильственного сопротивления было лишь бесполезным жестом. Те, кто противостоял оккупации, сумели сделать максимум возможного в неблагоприятной ситуации. Оглядываясь назад, удивляешься тому, что страна, 20 лет жившая при авторитарном режиме, смогла так эффективно организовать движение ненасильственного сопротивления, как если бы это происходило в условиях демократии. Но поскольку движение носило преимущественно спонтанный характер, оно не имело того влияния, которое было бы возможно, будь оно организовано властями заранее. Лидеры сопротивления правильно поступили, согласившись с принципом вероятности успеха и, тем самым, сумев избежать бессмысленной силовой конфронтации с советскими войсками. Однако они дали понять, что советские войска не являются желанными гостями. Их сопротивление опровергло официальную пропаганду, утверждавшую, что военная

интервенция была в интересах населения. В результате «нормализовавшегося» режиму впоследствии было крайне трудно завоевать доверие.

Хотя ближайший, непосредственный результат чехословацкого сопротивления оказался ограниченным, очевидно, что оно имело значительные долговременные последствия. Сопротивление оказало огромное влияние на коммунистические партии во всем мире. Ряд западноевропейских коммунистических партий открыто выразил протест против советского вторжения и решительно отмежевался от советского руководства. В Западной Европе эти партии начали пропагандировать «еврокоммунистическую» программу социализма и резко критиковали советскую модель. Чехословацкое сопротивление имело также огромное идеологическое влияние на тех коммунистических реформаторов и диссидентов, которые через два десятилетия начнут демократические реформы в Польше, Советском Союзе и других странах социалистического блока. Для многих из них попытка социалистического обновления в Чехословакии 1968 г. была вдохновляющим примером.

Если провести сравнение с предыдущими моделями сопротивления «Мини» оккупации «Макси», мы увидим, что Чехословакия 1968 и 1969 г. оказывается где-то посередине. Советский режим был крайне авторитарным. Он не ответил на гражданское сопротивление так, как ответило бы на него демократическое государство: переговорами, компромиссами и последующим выводом своих войск. Но он не был и столь репрессивным, чтобы подвергнуть лидеров сопротивления репрессиям или создать трудовые лагеря для контроля над местным населением. Советский режим был, конечно, авторитарным, но он твердо держался специфической идеологической позиции, в соответствии с которой утверждалось, что оккупация Чехословакии отвечает действительным интересам населения этой страны. Эта идеологическая мотивация ограничивала меру репрессий, которые режим мог осуществить. Ненасильственное сопротивление наглядно продемонстрировало ложность псевдодемократической риторики, призванной оправдать оккупацию Чехословакии. Итак, в краткосрочной перспективе ненасильственное сопротивление не было особенно эффективным. Оно позволило избежать кровопролития, но осталось чисто символическим. Однако в долгосрочной пер-

спективе оно стало наиболее мощным орудием разрушения легитимности оккупации.

О принципе вероятности успеха будет идти речь и в следующей главе. Принцип соразмерности, который будет рассмотрен в этой главе, настолько близок принципу вероятности успеха, что трудно, не обращаясь к одному, завершить разговор о втором.